

Госпожа Ян улыбнулась мне и сказала: «Эрнян, только никому не говори». С этими словами она выдвинула средний ярус коробки с едой и достала с нижней полки блюдо золотисто-серебряных рулетиков с крабовым мясом. «По правилам, тебе, Эрнян, после жара не стоит есть такие холодные вещи, но это я сама приготовила, добавив лишь немного бульона из крабовых клешней для аромата. Думаю, немного можно».

Я обрадовалась, лицо озарилось улыбкой, и я затараторила: «А-Ян, ты лучше всех!» Потянулась было взять рулетик, но она остановила меня: «Сначала кашу».

Пришлось сначала доесть ту невероятно жирную кашу, а уж потом приняться за два крабовых рулетика. Госпожа Ян, дождавшись, пока я поем, принялась перечислять: «Приходили Наследный принц и князь Дай. Но ты спала, и их не стали тревожить. Наследный принц прислал в подарок труппу теневого театра, ларец с украшениями, ларец с ночным жемчугом, золотой туалетный столик и ширму, украшенную самоцветами. Ещё он спрашивал, не нужно ли тебе чего, говорил, что у него есть отличные лошади с Запада, хорошие клинки, ночные кубки, да и всякой диковинки, что торговцы привозят из Даши. Если что приглянется, стоит только словечко бросить управителю Восточного дворца. Наследный принц также велел передать: если захочешь выехать за город, скажи ему, он испросит дозволения у Его Величества и сам тебя сопроводит».

Я знала, что у Ли Шэна был лишь один набор для теневого театра, который он припас для матушкиного дня рождения. А теперь отдал его мне — поистине, не поспешил. На душе стало как-то беспокойно. Госпожа Ян, заметив моё молчание, спросила: «Эрнян, не позвать ли сюда кукольников?»

Я с достоинством покачала головой, а потом, сообразив, спросила: «А разве батюшка с матушкой ничего мне не прислали?»

Госпожа Ян ещё не успела ответить, как в дверях возник евнух и возгласил: «Его Величество жалует принцессу Чанлэ!»

Вошедшие оказались дворцовыми посланцами с официальным указом. Первым повелением объявлялось, что я, несмотря на юные годы, являю особую одарённость, а посему должна принять постриг и стать монахиней, дабы отныне молиться о благоденствии Поднебесной. Разумеется, постриг мой должен был совершиться прямо во Дворце Дамин, для чего чертог Пэнлай переименовывался в храм Пэнлай. Мои спутницы также постригались в монахини и поселялись в Чжуцзин-гуань, устроенном из другого дворцового здания.

Я пребывала в полном недоумении, не успев ничего осознать, как прозвучало второе повеление. В нём говорилось, что я необычайно умна и добродетельна, воплощаю в себе все мыслимые достоинства, а потому мне жалуются триста новых податных дворов и три тысячи отрезков шёлка.

Меня ошеломила неслыханная щедрость этих даров. Лишь спустя некоторое время до меня дошло: постриг — это уловка отца, чтобы под благовидным предлогом отказать Туфаню, а награды — скорее всего, компенсация за перенесённый испуг. Раз уж отец испытывает чувство вины, не воспользоваться ли этим и не выпросить ли чего-нибудь ещё?

Хотя я и решила как следует пожить за счёт своей «болезни», сразу придумать, чего именно хочу, не получалось. Обычные просьбы я могла выполнить и без этого, а слишком дерзкие могли ненароком задеть чьи-то интересы. Хотелось посоветоваться, но родители, движимые заботой, даже когда мне уже стало гораздо лучше, велели продержаться в покое

ещё три дня, прежде чем выпускать. Всё это время ко мне пытались пробиться с визитами множество людей, но матушка, дабы не тревожить меня, всех отвергла. Так что пришлось мне коротать эти три дня в одиночестве, кое-как проглотив «Хань-цзы». Неизвестно, что тронуло материнское сердце, но она прислала мне ещё целую грудку книг — для чтения во время «монашеских подвигов». Радости это мне не прибавило.

Едва выдержав положенный срок, я, не дожидаясь, пока соберут вещи, помчалась в чертог Пэнлай — ныне храм Пэнлай. По воле отца и матушки всё было устроено с невероятной скоростью. Когда я вернулась, помещение уже напоминало настоящий храм: там стояли как положено статуи божеств и патриархов, лежали священные тексты, звенели ритуальные чаши, даже занавеси сменили на более подходящие. Служанки все облачились в одеяния монахинь и при встрече складывали ладони в почтительном поклоне.

Сун Фою, которую я ранее отправила назад, вышла встречать меня во главе монахинь. Увидев госпожу Ян, она тотчас нахмурилась: «Раз госпожа уже приняла постриг, не подобает носить мирские одежды. Госпожа Ян, будучи приближённой, должна была её об этом предупредить».

Госпожа Ян не ответила, лишь посмотрела на меня. Я, естественно, встала на её сторону и обратилась к Сун Фою: «А-Ян и я были в чертоге Цзычэнь, откуда же у нас взяться монашеским одеяниям? Ты ведаешь гардеробом, но не озаботилась их доставкой — это явный твой промах».

Сун Фою, услышав мои слова, опустила на колени, сняла головной убор и стала молить о прощении. Я ещё не успела ничего сказать, как госпожа Ян шагнула вперёд: «Сама допустила оплошность, а теперь пытаешься свалить вину на других, выворачивая всё наизнанку! Полагаю, ты возомнила себя особой, раз тебя прислала сама Тяньхоу, и позволяешь себе задираться перед Эрнян из-за её юного возраста! По-моему, тебя следовало бы отдать на суд Дворцового управления».

Сперва я лишь хотела защитить госпожу Ян, не придавая особого значения самой ситуации. Но её слова заставили меня насторожиться. Вспомнилось, как при первой встрече Сун Фою уже пыталась давить на меня авторитетом матушки. Теперь же она вызывала у меня ещё большее раздражение. Госпожа Ян, уловив моё настроение, настаивала на отправке её в Дворцовое управление. Мысль была заманчивой, но я тут же вспомнила, что Сун Фою — дар самой матушки. Прожив эти несколько дней, я уже твёрдо уяснила: даже если матушка и не была той самой У Цзэтянь, она определённо являлась натурой властной и решительной. Даже будучи её любимой дочерью, я вряд ли могла безнаказанно распорядиться её людьми. Тем более что послы Туфаня ещё не уехали!

Эти мысли заставили меня отказаться от затеи. Я взмахнула рукой, остановив слуг, которые уже было двинулись к Сун Фою, чтобы схватить её, но вдруг осенило: большинство обитателей чертога Пэнлай прибыли сюда вместе с Сун Фою. Почему же они так быстро обратились против неё? Да и я ведь ещё ничего не приказала.

Я с неудовольствием оглядела тех двоих, что первыми бросились исполнять неотданный приказ, и узнала в одном из них того самого евнуха, что ранее доложил мне о пропаже холодной лапши, поданной Вэй Хуань. Теперь я не спешила отчитывать Сун Фою. Сложив руки за спиной, я приняла осанку, подобающую принцессе, и спросила: «Что ты можешь сказать в своё оправдание?»

Сун Фою подняла голову лишь после моего вопроса и, выпрямившись, ответила: «Отвечая госпоже, монашеские одеяния для вас были изготовлены заранее и уже отправлены в чертог

Цзычэнь. А-Дун может это подтвердить. Почему вы их не получили — мне неведомо».

Госпожа Ян усмехнулась: «Если бы ты и вправду их отправила, разве госпожа осталась бы без них? А-Дун с самого чертога Цзычэнь ходит за тобой по пятам, конечно, он будет говорить в твою пользу».

Сун Фою холодно парировала: «Госпожа Ян, я полагала, что вы, будучи старой слугой госпожи, должны хорошо знать правила. Потому, когда вы позволили себе говорить прежде госпожи, я сделала вид, что не заметила, надеясь, что вы сами одумаетесь и исправитесь. Но вы, пренебрегая субординацией, раз за разом берёте на себя право говорить от имени госпожи, а будучи простолюдинкой, осмеливаетесь обвинять меня, чиновника шестого ранга. Не кажется ли вам, что это переходит всякие границы?»

Госпожа Ян не ожидала, что Сун Фою прижмёт её чином, и тут же повернулась ко мне с обиженным видом: «Эрнян, взгляни, она теперь и меня обижает! Видно, совсем тебя в грош не ставит!»

«Заткнись», — топнула я ногой, раздражённо обернулась к Сун Фою и спросила: «Когда именно ты отправила одежду? И только А-Дун один?»

Сун Фою ответила: «Поскольку указ был обнародован недавно и на дворе ещё стоит жара, мы успели изготовить лишь два лёгких летних одеяния. Поэтому отправили только А-Дуна».

Я спросила: «А где этот А-Дун?»

Из толпы вышла довольно рослая служанка. Я велела ей осмотреть мою свиту и указать, кому именно она передала одежду. Та, оглядев всех, указала на одну неприметную служанку.

Та служанка, однако, всё начисто отрицала и, упав на колени, принялась рыдать, клянясь в своей невиновности. Госпожа Ян сказала мне: «А-Чжао лишь недавно переведена из Дворца Етин, она робка до крайности. Если бы она действительно получила одежду, разве осмелилась бы не передать её? Ясно же, что они просто поленились, а теперь отнекиваются!»

А-Дун, услышав слова госпожи Ян, скрипнула зубами от ярости, бросилась к той служанке и принялась кричать о своей невиновности.

Видя, что ситуация выходит из-под контроля, я крикнула, чтобы все успокоились. Взглянула на Сун Фою — та лишь презрительно фыркала. Взглянула на госпожу Ян — та смотрела то обиженно, то с пренебрежением.

От их перепалки у меня заныли виски, а в груди стало давить. Я глубоко вдохнула и рявкнула: «Заткнитесь!» Когда все притихли, я без сил произнесла: «Ладно, хватит. Принесите монашеское платье, я надену его сейчас. И чтобы больше таких промахов не было».